

УДК 821.512.31

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173>

Оригинальная научная статья

Мотив испытания как фольклорный элемент в современной бурятской прозе

Г. Б. Мархадаев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

г. Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ gombomarh@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию инварианта мотива испытания в современной бурятской прозе в контексте фольклорной традиции. Мотив испытания рассматривается как необходимое условие этнической самоидентификации, исследуется взаимосвязь между фольклорными традициями и современными литературными нарративами, а также роль коллективной памяти в формировании идентичности. Основная проблема исследования состоит в плоскости кризиса идентичности, который преодолевается через фольклорные мотивы, в частности мотивом испытания, и их трансформации в современной литературе, что способствует сохранению национальных ценностей и культурного наследия. Актуальным представляется понимание процессов формирования и укрепления этнической идентичности в условиях глобализации посредством изучения роли фольклорных мотивов. Цель исследования – проанализировать влияние фольклорного мотива испытания на сюжет и структуру современных произведений бурятских авторов, а также определить роль рассматриваемого мотива на формирование этнической самоидентификации. Материалом исследования послужили произведения бурятской литературы, среди которых роман «Драгоценный» Болота Ширибазарова, роман «Однажды в Бурятии» Александра Эрдынеева и повесть «Арьяна» Светланы Савельевой. В результате исследования выявлено, что фольклорный мотив испытания активно применяется в осмыслении и интерпретации современной бурятской литературы. Фольклорное основание мотива испытания проявляется в родовом коллективизме и исторической непрерывности, что способствует преодолению кризиса идентичности. Данный мотив способствует пониманию современных социальных изменений, отражая адаптацию традиций к новым реалиям. Подобный ракурс исследования открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области сохранения культурного самосознания и традиционного знания.

Ключевые слова: мотив испытания, инвариант мотива, трансформация мотива, этническая самоидентификация, кризис идентичности, коллективная память, фольклорная традиция, фольклорная интерпретация, национальное начало, концепт

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Мархадаев Г. Б. Мотив испытания как фольклорный элемент в современной бурятской прозе. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 163–173. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173

Original article

The trial motive as a folklore element in modern Buryat prose

Gombo B. Markhadaev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

✉ gombomarh@yandex.ru

Abstract

This paper provides the invariant of the trial motive in modern Buryat prose in the context of the folklore tradition. The trial motive is considered as a necessary element for ethnic self-identification. The study explores the relationship between folklore traditions and modern literary narratives, as well as the role of collective memory in the formation of identity. The central problem studied in this research concerns the identity crisis, which is overcome through folklore motives, particularly the trial motive, and transformations in modern literature, thereby contributing to the preservation of national values and cultural heritage. The relevant of the research is to understand the processes of formation and strengthening of ethnic identity in the context of globalization through the study of the role of folklore motifs. The purpose of this study is to analyze the influence of the folklore trial motive on the plot and structure of modern works by Buryat authors, and to determine the motive's role in the formation of ethnic identity. The research material includes works of Buryat literature, containing "Precious" by Bolot Shiribazarov, "Once in Buryatia" by Aleksandr Erdyneev, and the novel "Aryana" by Svetlana Savelyeva. The results show that the folklore trial motive is actively used in the comprehension and interpretation of modern Buryat literature. The folklore basis of the trial motive appears in tribal collectivism and historical connection, which helps solve the identity crisis. This motive contributes to understanding of modern social changes, reflecting the adaptation of traditions to new realities. This perspective opens opportunities for future research into the preservation of cultural identity and traditional knowledge.

Keywords: trial motive, invariant of the motive, transformation of motive, ethnic self-identification, identity crisis, collective memory, folklore tradition, folklore interpretation, national origin, concept

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Markhadaev G. B. The trial motive as a folklore element in modern Buryat prose. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 163–173. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-163-173

Введение

Фольклорные элементы в литературе выступают одним из основных источников вдохновения, сочетая традиционные культурные ценности с инновационными подходами к повествованию. Фольклор в художественном тексте использует «специфичный категориально-понятийный аппарат средств, систему архетипов, мотивов, образов, символов» [1, с. 3]. Фольклорные образы выявляют степень

вовлеченности и особенности развития проявлений этнического самосознания в творчестве бурятских писателей, пишущих на русском языке. Проблема заключается в том, как традиционные фольклорные элементы адаптируются к современным условиям и способствуют формированию этнической самоидентификации. В данной работе целью исследования является выявление фольклорных мотивов, в частности, мотива испытания. Мотив испытания широко используется в современной литературе различных культур, включая бурятскую. Выявление универсального фольклорного мотива в современных бурятских произведениях способствует исследованию генезиса этнической идентичности современных литературных героев, их трансформации и роли фольклорных элементов, как национальной первоосновы в творчестве бурятских авторов, что представляется актуальным и значимым. «Мотив в диахронической перспективе обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в нем генетически, отчасти явившихся в процессе долгой исторической жизни» [2, с. 84].

В рамках данного исследования была применена многоуровневая методология, включающая сравнительно-исторический метод, метод контекстуального анализа и генетический подход. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие черты и особенности проявления мотива испытания в современных бурятских произведениях относительно традиционных фольклорных источников. Метод контекстуального анализа сосредоточился на интерпретации текстов в их культурном, социальном и историческом контекстах, что дало возможность рассмотреть, как мотив испытания соотносится с этнической идентичностью героев и их развитием. Генетический подход был использован для глубокого изучения родственных связей между фольклором и литературой, а также способов «присутствия» фольклорного материала в литературном тексте. Это позволило не только подчеркнуть важность фольклорных традиций в формировании современного литературного дискурса, но и проанализировать, как они влияют на характеры и идентичность персонажей, проходящих через испытания.

В исследовании ставятся следующие задачи:

- 1) анализ фольклорного мотива испытания: исследовать роль мотива испытания в фольклорной традиции бурятского народа. Выявить универсальные черты мотива испытания в фольклоре и их трансформацию в современной литературе;
- 2) изучение влияния фольклорных элементов на формирование этнической самоидентификации персонажей;
- 3) исследование кризиса идентичности и его преодоления;
- 4) сравнительный анализ произведений;
- 5) исследование роли коллективной памяти и родового уклада на формирование идентичности героев.

Мотив испытания в фольклорной традиции

В фольклоре мотив испытания часто связан с необходимостью героя пройти через трудности или преодолеть преграды, чтобы достичь цели, доказать свою ценность или узнать что-то важное о себе. Это может быть как физическое, так и эмоциональное или духовное испытание. Преодоление испытания являет собой одну из основных функций героя в сюжете народной сказки. Этот мотив уходит корнями в древние обряды инициации; только преодолев определенные трудности, герой получает возможность перейти в иное измерение – «потусторонний мир, который в сказках обозначается как тридесятое царство, что предполагает концепцию выхода за грани обыденности и преодоления привычной реальности» [3, с. 55]. Думается, фольклорный мотив испытания можно рассматривать как своего рода творческий ориентир в русскоязычной бурятской прозе.

Несмотря на то, что мотив испытания является универсальным и понятным для широкой аудитории, с течением времени в условиях изменяющихся социальных культурных и идеологических факторов данный мотив претерпевает трансформацию, в том числе зависящую от национальной картины мира. Данные изменения и новое видение функциональности мотива испытания под призмой ментального видения бурятских авторов можно рассматривать как научную новизну.

Мотив испытания фундаментален и в основе своей концентрируется на проблемах морального, социального, нравственного и психологического формирования личности. Как правило, это история жизни и становления одного героя, «формирование им собственной личности и индивидуальности, а также формирование ценностей» [4, с. 24]. В работах В. Я. Проппа, посвященных описанию волшебной сказки, этап «испытания главного героя приближает его к обретению и подтверждению своего статуса» [5, с. 29]. В статье исследуются фольклорные варианты основного мотива испытания в литературной авторской интерпретации. В рассматриваемых же нами современных произведениях запрос идет по большей части не на статус как социальное явление, а на духовное перерождение, а также обретение и актуализацию своей истинной сущностной природы. У бурятских авторов особенно актуален такой запрос в плоскости этнической самоидентификации.

Роль мотива испытания в преодолении кризиса идентичности в современной бурятской прозе

Так, в современных произведениях русскоязычных бурятских писателей применяется своего рода авторский прием метисации, который неизбежно сопряжен с дуальностью мировоззренческих позиций, и такая двойственность обуславливает современные проблемы культурной и этнической самоидентификации, национальной интеграции, личностной социализации. Из чего следует, что социальный, духовный и исторический опыт совместного сосуществования бурятского народа в мультикультурной и интернациональной среде на современном этапе определяет запрос на дезинтегративный процесс индивидуалистской национально-культурной автономии человека из размытого конгломерата культур.

В романе «Драгоценный» Болота Ширибазарова такой запрос появляется у главного героя Алексея, метиса по происхождению, тридцати двух лет от роду, пребывающего в забвении тумана бытия своей неопределенной и неясной жизни. Линия двойственности жизненного цикла во многом завязана на параметре метисации главного героя, как бы определяя две стороны его личности, которые не могут слиться в единую гармоничную материю. Алексей не принимает свою бурятскую сторону, раздражительно реагирует на любые замечания окружающих по вопросу его причастности к бурятской национальности: *«В юности он мечтал проснуться однажды утром и увидеть в зеркале русское лицо... Алексей считал себя русским, но никогда таковым себя не ощущал, потому что русской была только его мама. Отец был бурятом, и окружающий мир с раннего детства то и дело ему об этом напоминал. И когда кто-то в чём-то отказывал Алексею или делал выбор не в его пользу, он невольно списывал это на «разрез глаз»* [6].

В романе также рассматривается процесс ментальной эволюции личности, предполагающий поиск и борьбу за потерянные смыслы и обретение новых ориентиров для собственного пути. Двойственность самовосприятия героя также во многом рассматривается в плоскости этнокультурной специфики. В качестве основной движущей силы преломления привычной реальности становится синкретичное пространство буддийской философии и фольклорно-мифологических поисков.

До перелома сознания Алексей пребывал в состоянии ненужного и лишнего человека, в таком положении героя видится абсолютное непонимание себя как социальной единицы и полной непричастности к окружающей действительности: *«Алексея охватила усталость... Вдруг стало всё безразлично: убьёт?.. а и пусть... так даже лучше... прервать всё разом и кануть в пустоту, исчезнуть, смешаться с навозными кучами, стать удобрением для чьего-нибудь огорода... – хоть какая-то польза»* [6]. Мотив лишнего человека для мировой литературной традиции универсален и остается актуальным, изменяя свои внутренние запросы с новыми требованиями действительности. В концепции видения современных бурятских авторов индивидуальное сознание каждой личности представляется функциональной частицей некой родовой матрицы – спасительной системы координат человеческого бытия. Такой духовный конструкт во многом исходит из религиозных и фольклорных воззрений. Точкой опоры становятся открытость и ясность сознания как необходимое условие для установления связи с такой матрицей, потому первоочередной идеей, проходящей фоном сквозь многие произведения, становится самопознание. Процесс самопознания всегда проходит в действии и, как мы видим, часто сопровождается мотивом испытания, что имеет прямое фольклорное основание.

Таким испытанием для Алексея стал этап «ученического ретрита», это своего рода полугодовая повинность на добровольных работах на чабанской стоянке. В основе лежит абстрагирование от мирского, изъятие себя из вакуума обстоятельств и проблем повседневной жизни. Ретрит главного героя Алексея является одним из самых значительных испытаний в романе. Основной целью ретрита являются очищение ума и сердца, избавление от материальных привязанностей и поиск смыслов для разрешения внутренних конфликтов и принятия себя. Ретрит обычно включает в себя медитацию, молитвы, простиранья и практики осознанности. Участники следуют определенному распорядку в спокойной обстановке живописного природного ландшафта с редкими монастырями и небольшими домами, окруженными горным и лесным массивами. Этот процесс представляет собой глубокое внутреннее исследование, которое открывает перед ним множество сложных вопросов и заставляет переосмыслить свои жизненные убеждения. Изоляция, медитация и столкновение с собственными «демонами» приводят Алексея к открытию новых горизонтов, принятию себя, трансформации своей личности.

Кроме ретрита как духовного испытания, в романе прослеживаются и другие сюжетные линии испытаний. Сам мотив испытания предполагает вариативность своей конструкции, он способен к «изменению, варьированию, трансформации» [7, с. 78], что представляется «инвариантом, т. е. неизменяемой частью сюжета, моделью, вокруг которой группируются совокупности вариантов» [8, с. 198]. Так, одним из вариантов мотива испытания является потеря близких людей – в первую очередь утрата родной бабушки. Эта утрата становится важной вехой в жизни Алексея и символизирует не только личную трагедию, но и глубокую связь с его культурным наследием, бурятской стороной. Бабушка представляла собой мост между поколениями и хранила в себе воспоминания и традиции, которые Алексей теряет вместе с ней. Этот мотив утраты подчеркивает тоску по утерянному времени и корням, что создает дополнительное измерение к испытанию – это не просто личная трагедия, но и поиск своей культурной идентичности.

Другим важным аспектом становится кризис этнической самоидентификации героя, который также служит вариантом мотива испытания. Алексей сталкивается с предрассудками и стереотипами своего этнического происхождения, что приводит к внутреннему конфликту. Это противоречие заставляет его задаваться

вопросами о том, к какой нации он принадлежит и как общество воспринимает его индивидуальность. Поиски идентичности проявляются в его стремлении найти себя среди двух миров – бурятского и русского – и осознать свою роль в каждом из них. Этот процесс формирования своей идентичности становится не менее значимым испытанием для него.

Основное испытание в виде ретрита главного героя можно рассматривать как интеграцию всех вышеперечисленных вариантов мотива. Ретрит символизирует путь к самопознанию и трансформации через изоляцию и саморефлексию. В этом контексте ретрит служит площадкой для того, чтобы Алексей мог осмыслить всю тяжесть своих потерь и внутренние конфликты. Погружение в себя и встреча с «демонами» прошлого становятся необходимыми для понимания своих корней и определения направления своего дальнейшего пути.

Таким образом, в романе «Драгоценный» Б. Ширибазарова обнаруживается многослойность мотивов испытаний: от утраты близкого человека до кризиса идентичности и духовных исканий через ретрит. Эти мотивы перекрываются и взаимодействуют друг с другом, создавая сложную картину внутреннего мира Алексея и подчеркивая универсальность темы испытаний как необходимых этапов на пути к самопониманию. Эта версия раскрывает различные аспекты мотивов, связанных с лейтмотивом испытания, делая акцент на их взаимосвязи и важности для внутреннего роста персонажа.

Внутренний конфликт национального самоопределения также испытывает главная героиня повести «Арьяна» [9]: испытывая комплекс неполноценности и сложности этнической интеграции, девушка смешанного происхождения постоянно ощущает себя в позиции ментального распутия и душевной дисгармонии: *«В Иваново вычурных кофеен не найти, везде налет провинциальности. Город тесный и душный. Нет, я, конечно, люблю знакомые улочки, раскидистую зелень деревьев, пузатые троллейбусы. Но я там чужая, слишком выделяюсь среди золоченых куполов церквей, на фоне герба с пряхой в червленом русском сарафане. Все мувиной раскосые глаза, монгольские скулы, черные, как смоль, волосы и странное имя – Арьяна. Наполовину бурятка, наполовину русская. Эта половинчатость словно кол в сердце. Если вбивать гвоздь в рассохшуюся доску, та треснет и разломится. Но я бурятка только внешне, внутри я хочу быть пряхой в червленом русском сарафане, ходить в церковь и говорить: «Чур меня». И быть частью любимого и ненавистного города»* [9].

Героиня, выросшая на западе страны, вне культурного пространства своей малой родины, испытывает комплекс проблем социальной, этнической и духовной адаптации, что приводит к деструктивным условиям развития личности. Оторванность от корней и существование вне ментального наследия и духовной неосознанности обволакивают главную героиню в кокон неведения и душевной неустойчивости. Так же, как герой романа «Драгоценный», Арьяна сталкивается с чередой испытаний: это и потеря родного человека, и социальное обособление, и кризис духовной и этнической идентичности. Главное испытание для героини выразилось в традиционной для фольклора форме пограничного состояния персонажа, находящегося в потустороннем пространстве.

Так, своеобразная иллюстрация мотива испытания проявляется через измененное состояние сознания главной героини, оказавшейся в заброшенном доме деревни. Это пространство, полное историй и воспоминаний, становится символом ее внутреннего мира и связи с прошлым. В измененном состоянии сознания, находясь в старом доме, где на ночь ее приютила пожилая женщина, девушка словно пребывает в альтернативной реальности, воссозданной памятью детства. Дом создает атмосферу уюта и защиты, что позволяет девушке погрузиться в

размышления о своих корнях и родовой памяти. Лейтмотив может представлять в виде конкретных вариантов, которые отличаются друг от друга пространственно-временными характеристиками или привязанностью к определенным образам. Такой образ предстает для девушки в виде дома из детских воспоминаний, это дом ее родной бабушки. В произведении выстраиваются разные альтернативные образы пространства и времени – родной и светлый дом бабушки из детства и темный незнакомый дом посторонней пожилой женщины настоящего времени.

Измененное состояние сознания – важный элемент данного мотива. Оно указывает на то, что девушка временно покидает реальность и входит в альтернативное измерение своего опыта. Это состояние является проявлением ее глубоких внутренних переживаний, где память о детстве играет ключевую роль. Здесь возникает недостижимая связь с теми моментами жизни, которые сформировали ее сущность. Воссоздание памяти детства становится своего рода терапевтическим процессом, позволяющим героине исследовать свои эмоции и страхи.

Основой мотива испытания в сцене с одиноким домом является то, что бабушка, приютившая ее, оказывается лишь видением. Этот элемент подчеркивает силу внутреннего диалога девушки с некой силой, олицетворяющей ее родовую память. Образ бабушки играет роль проводника между прошлым и настоящим, помогая героине осознать важность своей идентичности и культурного наследия. Эта проекция служит не только символом потери, но и связующим звеном с теми временами, когда она чувствовала особую связь с традициями своей семьи.

Подобная аллюзия на видения детской памяти представляется вариантом испытания девушки. Все действие разворачивается в темное время суток, в окружении неизвестности и тревожной тишины: девушка остается одна со своими страхами, пожилая женщина исчезает в темноте, сильнейший страх, навеваемый неизвестной темной силой, забирает последнюю энергию жизни. Под влиянием сильнейшего эмоционального и мыслительного перенапряжения, словно не справляясь с психическим давлением, сознание девушки отступает, давая выход душевному импульсу энергий, что явилось кульминацией той ночи. Подобная сюжетная линия символизирует момент внутреннего пробуждения героини, когда ее принимают собственные этнические корни и происходит долгожданная встреча с ангелом-хранителем.

Таким образом, лейтмотив испытания становится многослойным процессом самопознания, включающим такие варианты мотива, как потерянное детство, потерянную память, мотив озарения и перерождения. Измененное состояние сознания в старом доме иллюстрирует идею о том, что внутренняя работа над собой порой требует обращения к воспоминаниям, даже если они болезненны или полны утрат. Испытание здесь становится связующим звеном для героя между прошлым и будущим, предлагая возможность восстановить утраченные связи и заново определить свою идентичность.

Как итог пройденных испытаний и борьбы, девушка принимает себя, обретает душевную гармонию, стабилизирует свое ментальное тело. Арьяна будто бы вновь собирает собственную личность, но уже со всеми необходимыми пазлами своей души. Происходит последующая социальная и психологическая инициация, девушка осознает преемственность и душевное родство своего родного имени. Также и для Алексея из романа «Драгоценный» испытания способствовали его духовному перерождению, выкорчевав его из болота зашоренной и беспросветной жизни. Алексей, как и Арьяна, прошел путь возрождения по классической структуре мотивов, генетически восходящих к фольклору. Итак, в лейтмотиве испытания пути героев проходят через варианты мотивов заколдованности, самоидентификации, инициации, обмана, спасения, чудесного перерождения и расколдованности [5].

Мотив испытания как элемент коллективной памяти

Американский философ Д. Кэмпбелл в работе «Тысячеликий герой» утверждает, что во всех мифологиях «герой проходит единый путь становления, и единая структура построения сюжета, названная им мономифом, берет свое начало в коллективном подсознательном» [10, с. 11]. Можно сделать вывод, что мотив испытания – это элемент коллективной мысли, воплощенный в фольклорном генезисе. Личную идентичность в этом отношении можно рассматривать как коллективный синтез, где важнейшими этапами являются социальная категоризация, групповое взаимодействие и отождествление себя с той или иной группой. Каждая личность заключает в себе «историческую коллективную непрерывность, и люди, стремящиеся к идентичности, порой достигают этого лишь тогда, когда их примут в свой круг те, кто эту идентичность уже приобрел» [11, с. 147]. Потому фольклорный мотив испытания можно рассматривать как «ритуал коллективной идентичности» [12, с. 11].

Как видно из рассматриваемых произведений, подобная коллективная проверка героев на раскрытие своей внутренней личности инициируется влиянием культурных и исторических традиций, связанных с наследием предков и общей идентичностью рода. Испытание в этом контексте можно рассматривать как ритуал, который подтверждает связь между индивидуумом и коллективной памятью рода. Водоворот событий словно выдергивает персонажа из серой жизни неясного и аморфного существования, сначала прибывая его к родовой системе координат, и только затем данная структура обрастает каркасом этнической идентичности.

В произведении «Однажды в Бурятии» А. Эрдынеева [13] хорошо продемонстрирована такая структура родового испытания, которое выпадает на долю молодого человека по имени Мунко, влачившего искусственную и сомнительную жизнь, усугубившуюся после кончины родного человека. Без того серая жизнь, обременяемая физическим недугом, после ухода любимого человека стала просто бессмысленной, и, словно услышав запрос на быстрый уход из жизни, на героя нападает очередной приступ болезни, после которого он переживает клиническую смерть. Серьезное испытание потери родного человека ему помогают пережить родственники, уговаривая его посетить родные места детства, а также поприбывать на родовом обряде. После обрядового ритуала к забредшему чуть поодаль в лес и потерявшемуся Мунко является его небесный отец, могущественный дух, покровитель местности Бамуугомбожав Баабай. Божество укрепляет и совершенствует в Мунко магические способности для очищения родной земли от скверны, поработившей сердца людей, и готовит к главному противостоянию со злым духом Аймшагтай Шолмосу, претендующим на верховенство в бурятских землях.

В произведении представлено глубокое и символическое отражение мифа о первопредке, который приходит на помощь своему потомку в трудные времена. Этот текст активно взаимодействует с традиционными представлениями о духах местности, создавая комплексный нарратив, в котором переплетаются личные и коллективные переживания. В фольклорной традиции первопредок часто выступает спасителем, представляя собой связь между прошлым и будущим поколениями. Его присутствие в жизни потомка можно интерпретировать как возвращение к корням, которое становится не только источником силы, но и единой нитью, связывающей индивида с его предками и культурным наследием.

Александр Эрдынеев выстраивает для своего главного персонажа Мунко классический путь героя волшебной сказки, отправившегося вдаль от дома навстречу испытаниям, на границу двух миров, чтобы справиться со всеми трудностями и стать целостным. Герой обновляется, проходит все этапы своего

становления; испытания, с которыми ему пришлось столкнуться, позволяют ему обрести новую жизнь [14].

Анализ произведений бурятских авторов, таких как роман «Драгоценный» Болота Ширибазарова, повесть «Арьяна» Светланы Савельевой и роман «Однажды в Бурятии» Александра Эрдынеева показал, что фольклорные мотивы, в частности мотив испытания, активно используются для осмысления современных социальных и культурных изменений. Эти мотивы помогают героям преодолеть внутренние конфликты, связанные с этнической и культурной идентичностью, и обрести себя через связь с традициями предков. Фольклорные мотивы, трансформируясь в условиях современности, продолжают оставаться актуальными и востребованными, способствуя сохранению национальных ценностей и культурного наследия.

Заключение

Таким образом, важным аспектом исследования стало рассмотрение трансформации фольклорных мотивов в условиях современности. Мотив испытания, сохраняя свою универсальную природу, адаптируется к новым реалиям, отражая сложность процессов глобализации и культурного смешения. В произведениях бурятских авторов этот мотив приобретает новые формы — духовные искания, кризис идентичности и поиск связи с памятью рода, что подчеркивает его актуальность в современном литературном контексте. Особое внимание в исследовании было уделено роли коллективной памяти и родовых традиций в формировании идентичности персонажей. Фольклорные мотивы, такие как испытание, выступают как ритуалы, подтверждающие связь между индивидуумом и коллективной памятью рода. Это позволяет героям не только преодолеть кризис идентичности, но и интегрироваться в национальную картину мира, обретая чувство принадлежности к своему народу и культуре.

Рассматривая мотив испытания как условие этнической самоидентификации, мы пришли к выводу, что сама идентичность неразрывно связана с социальной категоризацией, что в нашем случае выражается в родовом коллективизме и исторической непрерывности личности. Человек, вырванный из родовой памяти, испытывает чувство внутренней пустоты, и всю сознательную жизнь он безуспешно пытается компенсировать этот пробел, пока не вливается вновь в предковую систему национального конструкта.

Кроме того, исследование показало, что фольклорные мотивы часто переплетаются с буддийской философией, что усиливает их роль в процессе самопознания и духовного перерождения героев. Буддийские легенды о самопознании и возрождении, мифы о связи с предками представляются как коллективное подсознательное, которое актуализируется в момент испытаний. В рассмотренных нами произведениях бурятских русскоязычных авторов красной нитью проходит тема кризиса этнической идентичности, происходящего в результате увеличивающегося напряжения между старыми и вновь возникшими смыслами. Мотив испытания как фольклорная интерпретация успешно выполняет функцию преодоления кризиса идентичности, интегрируя персонаж в национальную картину мира, после чего также разрешается проблема этнической самоидентификации.

Л и т е р а т у р а

1. Асафьева Н.В. Психологические особенности понимания произведений фольклора детьми младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... к. пс. н. Санкт-Петербург: 1998:19.
2. Путилов Б.Н. Веселовский и проблемы фольклорного мотива. *Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992:74-86.

3. Яковлева Д.С. Мотив испытания в мифопоэтической системе поэмы М. Цветаевой «Переулочки». *Грамота*. 2016;(9):55-57.
4. Садриева А.Н. Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности: Автореф. дис. ... к. культурологии. Екатеринбург: 2007:23.
5. Пропп В.Я. *Морфология сказки*. Ленинград: Академия; 1928:152.
6. Ширибазаров Б.Б. Драгоценный. *Дружба народов*: электронный журнал. 2022;(3):6-130. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/3/dragocennyj.html?ysclid=m4jlpsh5ch677731672> (дата обращения 09.12.2024).
7. Дампилова Л.С., Хабунова Е.Э., Николаева Н.Н. и др. Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2019;78(4):72-78.
8. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1 Москва: Владос; 2002:688.
9. Савельева, С.Д. Арьяна. *Новая юность*: электронный журнал. 2022;166(1):15-72. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/1/aryana.html?ysclid=m4jluw1hj407001705 (дата обращения 02.12.2024).
10. Кэмпбелл Д. *Тысячеликий герой*. Санкт-Петербург: Питер. 2018:352.
11. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире. *Вестник Московского университета*. 2012;(2):144-162.
12. Лидерман Ю.Г. Мотивы «проверки» и «испытания» в постсоветской культуре (на материале кинематографа 1990-х годов): Автореф. дис. ... к. культурологии. Москва: 2003:28 с.
13. Эрдынеев А.Ц. *Однажды в Бурятии*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2011:179.
14. Елистратов В.Э, Хабибуллина Л.Ф. Архетипический сюжет в современной литературе (На примере романа Ф. Р. Шрайбер «Сивилла»). *Филологические науки в МГИМО*. 2018;(15):104-110.

References

1. Asafyeva NV. Psychological features of the understanding of folklore works by children of primary school age. Summary of Candidate's dissertation (Psychology). Saint-Petersburg: 1998:19 (in Russian).
2. Putilov BN. Veselovsky and the problems of folklore motif. In: *Heritage of Alexander Veselovsky: Research and materials*. Saint Petersburg: Nauka; 1992:74-86 (in Russian).
3. Yakovleva DS. The ordeal motive in the mytho-poetical system of the poem "Byways" by M. Tsvetaeva. *Gramota*. 2016;(9):55-57 (in Russian).
4. Sadrieva AN. Transformation of the Western European novel of education in the cultural context of modernity. Summary of Candidate's dissertation (Culturology). Yekaterinburg: 2007:23 (in Russian).
5. Propp VYa. *Morphology of folktale*. Leningrad: Academia; 1928:152 (in Russian).
6. Shiribazarov BB. Precious. *Drujba narodov*. 2022;(3):6-130. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/3/dragocennyj.html> [Accessed 9 December 2024] (in Russian).
7. Dampilova LS, Khabunova EE, Nikolaeva NN, et al. Traditional motives of the courtship plot in the epos of the Mongolic-speaking peoples. Moscow: *Izvestia of RAS. Series of literature and language*. 2019;78(4):72-78 (in Russian).
8. Russian Humanitarian Encyclopedic Dictionary: In 3 volumes. Volume I. Moscow: Publ. House "Vlados"; 2002:688 (in Russian).
9. Savelieva SD. Aryana. *New youth*. 2022;(1): 15-72. Available at: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2022/1/aryana.html [Accessed 2 December 2024] (in Russian).
10. Kempbell D. *The Hero with a Thousand Faces*. Saint Petersburg: Peter; 2018:352 (in Russian).

11. Kochetkov VV. National and ethnic identity in the modern world. Moscow: *Vestnik of Moscow University*. 2012;(2):144-162 (in Russian).

12. Liderman YuG. The motives of “verification” and “testing” in post-Soviet culture (based on the cinema of the 1990s). Summary of Candidate’s dissertation (Culturology). Moscow: 2003:28 (in Russian).

13. Erdyneev ATs. *Once in Buryatia*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2011:179 (in Russian).

14. Elistratov VE, Khabibullina LF. The archetypal plot in modern literature (case study of Sibyl F.R. Schreiber). Moscow: *Linguistics & Polyglot Studies*. 2018;(15):104-110 (in Russian).

Сведения об авторе

МАРХАДАЕВ Гомбо Баирович – аспирант, стажер-исследователь, ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1433-6117, e-mail: gombomarh@yandex.ru

Сведения об авторе

Gombo B. MARKHADAEV – Postgraduate Student, Research Assistant, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1433-6117, e-mail: gombomarh@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 18.03.25

Принята к публикации / Accepted 11.04.25